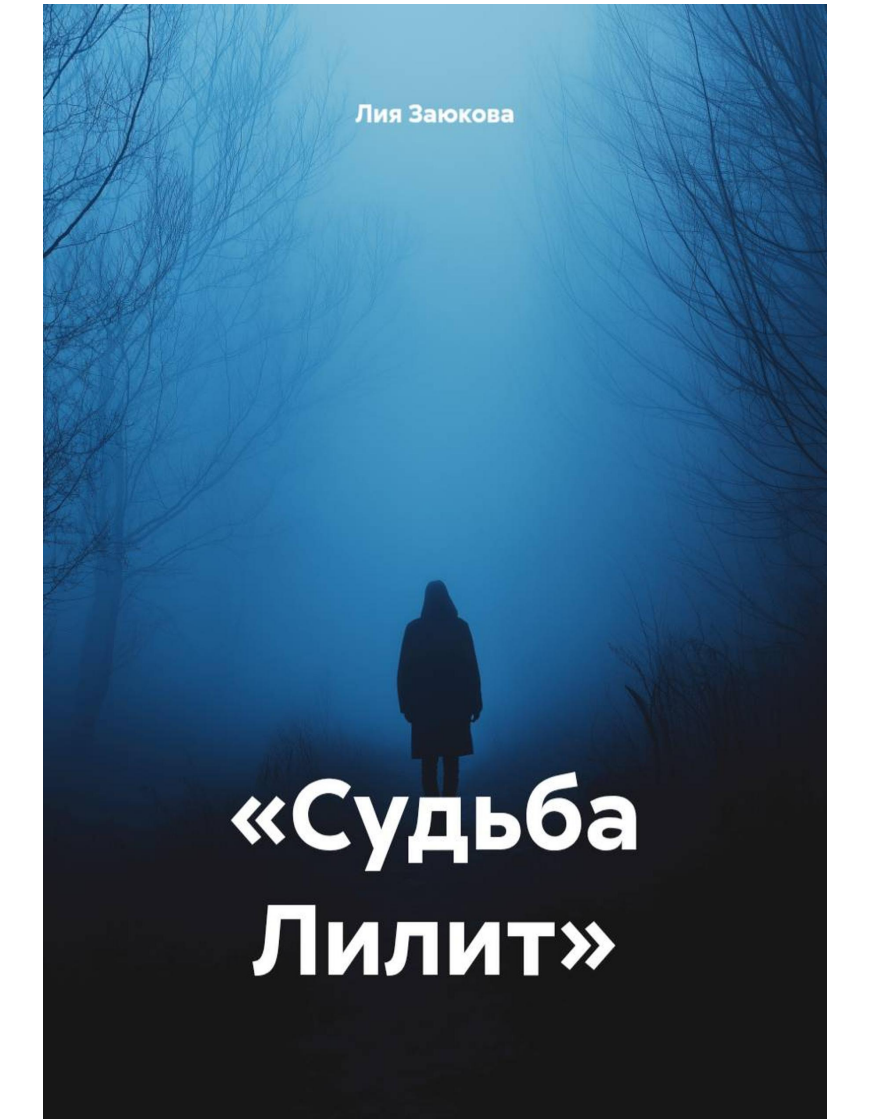

The background of the entire image is a photograph of a person standing in a forest. The person is seen from behind, wearing a dark, long coat. They are standing on a path that leads into a dense forest of bare, thin trees. The air is thick with mist or fog, and the entire scene is bathed in a monochromatic blue light, creating a cold and mysterious atmosphere.

Лия Заюкова

«Судьба Лилит»

Лия Заюкова

«Судьба Лилит»

<https://litres.ru/74694524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лилит с детства чувствует: эта жизнь ей не принадлежит. Чужие родители, чужое тело — всё давит, как тесная одежда, царапающая кожу. Её сны — окна в пугающий мир: густой лес, где тени движутся сами, мрачный особняк, застывший во времени, и обрывки записок, от которых стынет кровь. В тринадцать она начинает искать ответы в мёртвых ветках форумов и полустёртых статьях, которые исчезают, стоит только попытаться их сохранить. Найдя кольцо, Лилит открывает портал: каждую ночь она среди шёпотов и шорохов, которых не должно быть. Лес помнит её — на деревьях старые метки, символы на коре. Но правда пугает: она одновременно отчаянно хочет узнать, кто она, и боится, что человечность — лишь хрупкая иллюзия. «Судьба Лилит» — хоррор о встрече с собой на границе миров, где тишина громче крика. Для любителей creepypasta и психологического хоррора. Аудитория: 16+,

«Судьба Лилит»

Глава 1. «Чужое тело»

Лилит проснулась от того, что простыня будто царапала кожу. Не ткань, а сама текстура: грубая, будто наждачная, хотя мама всегда стирала порошком с пометкой «для чувствительной кожи». Лилит провела ладонью по бедру и задержала дыхание: на коже остались тонкие красные полосы, будто от веток. Только она не ходила в лес.

Она села, спустила ноги на пол и замерла. Пол был тёплым — слишком тёплым. В их квартире батареи включали только в ноябре, а сейчас стоял конец сентября. Дом будто подстроился под кого-то другого.

Из кухни доносился запах подгоревшей овсянки. Лилит поморщилась. Овсянку она не ела с шести лет, но мама каждое утро её варила, будто надеялась, что однажды Лилит проснётся «нормальной» и скажет: «Мам, дай ещё».

— Ты опять не ешь? — голос мамы прозвучал ровно, без упрёка, но от этого было только хуже.

— Я не голодна, — Лилит встала, потянулась к футболке на стуле. Ткань была жёсткой, швы врезались в плечи, как ремни.

Мама стояла в дверях, в халате, с ложкой в руке. Смотрела так, будто пыталась вспомнить, кто перед ней.

— Ты какая-то... — мама запнулась, подбирая слово, —

чужая сегодня.

Лилит усмехнулась. «Чужая» — это самое точное слово. Она была чужой здесь, в этой кухне, в этом доме, в этом теле, которое не слушалось: пальцы путались в пуговицах, шаги были слишком тяжёлыми, будто гравитация в этой квартире была чуть сильнее.

В коридоре висело зеркало в тёмной раме. Лилит остановилась напротив него. Глаза были её, нос — её, но выражение лица принадлежало кому-то другому. Будто кто-то надел её лицо, как маску, и забыл, как ею пользоваться.

— В школу опоздаешь, — мама поставила тарелку в раковину, даже не глядя на неё.

Лилит кивнула, схватила рюкзак. На выходе она задержалась у вешалки, потрогала пальцами крючок, на котором всегда висела её куртка. Металл был холодным, настоящим. Это было единственное, что не казалось декорацией.

На улице воздух пах мокрым асфальтом и чем-то ещё — сырой землёй, прелыми листьями, лесом. Лилит втянула запах и вдруг поняла: она знает этот запах. Не из прогулок по парку и не из летних поездок на дачу. Она знала его изнутри, как помнят вкус родного дома.

Автобус пришёл с опозданием на семь минут. Лилит села у окна, прижалась лбом к стеклу. За стеклом город плыл, как отражение в мутной воде. И где-то на краю сознания шевельнулось: «Это не твой город. Это не твоя жизнь».

Телефон завибрировал. Сообщение от подруги: «Ты где?»

Опять опаздываешь?»

Лилит напечатала: «В автобусе. Всё нормально».

И тут же поняла, что соврала. Ничего не было нормально.

Когда она вышла на своей остановке, ветер ударил в лицо и принёс с собой обрывок шёпота. Лилит замерла, прислушиваясь. Никого рядом не было. Только пустая улица, серые дома и одинокий фонарь, который мигал, будто пытался что-то сказать.

«Не называй имя вслух», — прозвучало прямо в голове, чётко, как если бы кто-то стоял за спиной и шепнул на ухо.

Лилит резко обернулась. Улица была пуста.

Только на столбе, прямо над её головой, кто-то нацарапал на облупившейся краске три неровных символа. Они были похожи на буквы, но не принадлежали ни одному языку, который она знала.

И ещё они были свежими.

Глава 2. «Сны как окна»

Ночь пришла слишком быстро. Лилит лежала с открытыми глазами и слушала, как в квартире щёлкают остывающие

трубы — будто кто-то перебирает костяшки домино в соседней комнате. Она не хотела спать. Потому что знала: стоит только закрыть глаза, и она снова окажется там.

В этот раз лес был не просто тёмным — он был *глухим*. Звуки гасли, едва родившись: шаги тонули в мхе, ветер не шевелил листву, а только тянул её вниз, как мокрые тряпки. Деревья стояли плотно, будто нарочно сжимали кольцо вокруг Лилит. На коре снова были метки — те самые символы, что она видела днём на столбе. Только теперь они светились тусклым, пепельным светом, будто под корой тлел уголь.

Она потянулась к ближайшей метке, и лес ответил. Не голосом — давлением. Как будто воздух стал гуще и начал толкать её назад. И тогда из-за ствола вышла тень. Не фигура, не человек — просто сгусток темноты, который двигался не по земле, а *сквозь* неё, оставляя за собой шлейф холода.

«Не называй имя вслух», — снова прозвучало в голове, но теперь это был не шёпот, а приказ, от которого зубы сводило судорогой.

Лилит проснулась с криком, который застрял в горле. В комнате было темно, но не так, как бывает ночью: темнота была плотной, осязаемой, будто кто-то накинул на комнату чёрную ткань. Она нащарила телефон — 3:17. Экран осветил комнату, и Лилит увидела на своей руке царапины. Тонкие, аккуратные, будто кто-то провёл по коже ногтем.

Она вскочила, щёлкнула выключателем. Свет вспыхнул, и на секунду ей показалось, что в коридоре мелькнула тень.

Лилит замерла, прислушиваясь. Тишина была такой густой, что в ней можно было утонуть.

— Ты кричала? — мама стояла в дверях, зябко кутаясь в халат. В её глазах читалось не столько беспокойство, сколько усталость от очередного непонятного происшествия.

— Кошмар, — хрипло ответила Лилит, пряча руку в рукав. — Прости.

Мама кивнула, будто это объяснение её устраивало.

— Завтра в школу не пойдёшь. Я вызову врача. Ты какая-то... нервная.

Лилит хотела возразить, но слова застряли. Потому что «нервная» — это когда боишься контрольной или ссоры с подругой. А она боялась того, что с ней происходит что-то, чему в их мире нет названия.

Утром она не пошла в школу. Мама ушла на работу, оставив на столе записку: «Врач придёт в 11. Не открывай никому». Лилит смотрела на эту записку, и ей хотелось смеяться и плакать одновременно. Как будто мама всерьёз думала, что проблема в незнакомцах за дверью, а не в том, что мир за ночь стал чужим.

Лилит достала из рюкзака потрёпанный блокнот — тот самый, где она записывала всё, что казалось странным. На первой странице были наброски символов с дерева и столба. Она обвела их дрожащей рукой и добавила: «Они светятся во сне. И лес знает, когда я к ним тянусь».

Потом она открыла ноутбук и зашла на тот самый полу-

мёртвый форум, где ещё пару дней назад нашла обрывки статей. Страница загружалась мучительно долго, а когда открылась, Лилит поняла: она смотрит не на тот сайт. Дизайн был тот же, но вместо старых веток обсуждений — пустые страницы с одной фразой, повторяющейся снова и снова: «Ты не должна этого видеть».

Лилит попыталась сделать скриншот. Экран моргнул, и вместо картинки появилось сообщение: «Файл не сохранён». Она попробовала ещё раз — то же самое. Тогда она просто скопировала текст и вставила в свой блокнот: «Ты не должна этого видеть. Ты не должна этого видеть. Ты не должна этого видеть».

Телефон завибрировал. Это была подруга.

«Ты где? Врач? Ты вообще жива?»

Лилит набрала: «Жива. Просто... мне кажется, я схожу с ума».

Ответ пришёл почти сразу: «Не говори так. Хочешь, я приеду? Принесу чипсы, посидим, ты расскажешь».

На секунду Лилит почувствовала, как из груди уходит холод. Но тут же вспомнила тень в коридоре, царапины на руке, светящиеся символы. И поняла: если она расскажет, подруга либо испугается, либо решит, что Лилит действительно сошла с ума. А может, и то, и другое.

«Не надо, — написала она. — Всё нормально. Просто устала».

Когда за окном начало сереть, Лилит подошла к окну и

посмотрела вниз. Двор был пустым, но на детской площадке, у горки, что-то лежало. Что-то тёмное и круглое.

Кольцо.

То самое, которое она нашла в старом ящике и потом положила в рюкзак, а потом вроде бы убрала в ящик стола. Но вот оно — лежит на мокром асфальте, будто его специально бросили туда, чтобы она его увидела.

Лилит накинула куртку, схватила ключи и выбежала из квартиры, не думая о том, что мама просила не открывать никому. Она сбежала по лестнице, толкнула подъездную дверь и вышла во двор. Воздух был холодным, но не таким, как обычно: он будто звенел от напряжения.

Кольцо лежало у горки, тускло поблёскивая. Лилит наклонилась, подняла его. Металл был тёплым. Как будто его только что держали в руке.

И в ту же секунду она услышала шёпот. Не в голове — рядом. За спиной.

«Теперь ты знаешь, что это не сон».

Лилит резко обернулась. Двор был пуст. Только ветер гнал по асфальту сухой лист, и тот шуршал, как чьи-то осторожные и неспешные шаги.

Глава 3. «Дневник»

Лилит сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, и держала в руках потрёпанный блокнот. На обложке — выцветший принт с созвездиями, который она когда-то считала красивым. Теперь он казался детским. Как и всё, что было до того, как мир начал трещать по швам.

Она открыла первую страницу и замерла над чистой линией. Что написать, если сама мысль о том, чтобы облечь это в слова, казалась предательством реальности? Если она запишет «я вижу тени», это станет правдой. А если станет правдой, значит, она не сошла с ума. И тогда придётся признать, что тени настоящие.

Дрожащей рукой она вывела: *«Я не схожу с ума. Со мной что-то происходит»*. Буквы получились кривыми, будто их писал кто-то другой. Лилит перечитала фразу и почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — не страх, а странное облегчение. Как будто она бросила верёвку в темноту и наконец-то за что-то зацепилась.

Потом она перерисовала символы — те самые, что видела на столбе и на коре деревьев. Старалась передать каждую линию, каждый излом, будто от точности зависела её жизнь. Когда закончила, посмотрела на рисунок и вдруг поняла: символы будто стали... спокойнее. Не такими острыми, не такими чужими. Словно сам факт того, что они теперь здесь, на бумаге, немного их приручил.

Лилит достала телефон и навела камеру на страницу. Экран моргнул, и вместо снимка выскочило уведомление:

«Ошибка сохранения». Она попробовала ещё раз — тот же результат. В третий раз телефон вообще отказался фокусироваться, будто камера не видела ни страницы, ни символов, только размытое пятно.

— Да что за бред... — прошептала Лилит, сжимая телефон так, что побелели костяшки.

Она встала, подошла к окну и попыталась сфотографировать двор. Снимки получались. Обычный двор, обычная горка, обычные лужи. Но когда она снова навела камеру на блокнот — опять «ошибка».

Лилит вернулась к полу, села и уставилась на страницу. *«Они не хотят, чтобы их видели»*, — пронеслось в голове. И тут же другая мысль, холодная и чёткая: *«А если они не хотят, значит, я на правильном пути»*.

Она взяла ручку и дописала: *«Символы светятся во сне. И лес знает, когда я к ним тянусь. Если я записываю их, они становятся тише. Может, слова — это щит»*.

В дверь позвонили. Лилит вздрогнула. Врач должен был прийти только в одиннадцать, а сейчас было девять. Она подошла к двери, прижалась ухом к холодному металлу.

— Лилит? Это я, — голос подруги звучал приглушённо, будто сквозь вату. — Я принесла чипсы. И... я просто хотела убедиться, что ты в порядке.

Лилит замерла. Если она откроет, подруга увидит этот блокнот, эти символы, её трясущиеся руки. Увидит, насколько всё плохо.

Но если не откроет — это будет ещё хуже. Потому что тогда она останется наедине с тем, что шевелится в углах, когда гаснет свет.

Она медленно повернула замок. Дверь приоткрылась, и в щель ворвался обычный, нормальный запах: дешёвый ванильный освежитель из прихожей подруги и чуть-чуть — её шампуня. Лилит вдруг почувствовала, как к горлу подступает ком.

Подруга стояла на пороге с пакетом и смотрела на неё так, будто боялась, что Лилит рассыплется от одного слова.

— Можно я просто посижу? — тихо спросила Лилит. — И мы не будем ни о чём говорить. Просто посидим.

Подруга кивнула и шагнула внутрь. Пакет с чипсами глухо шлёпнулся на тумбочку.

Они сели на пол рядом, спина к спине, как делали в младших классах, когда хотелось спрятаться от всего мира. Подруга молча протянула ей пачку, и Лилит взяла, даже не чувствуя вкуса. Ей просто нужно было держать в руках что-то обычное. Что-то, что не шепчет и не светится в темноте.

За окном по стеклу медленно поползла капля дождя. И Лилит вдруг поняла одну вещь: пока рядом есть кто-то живой и настоящий, тени не могут подойти слишком близко.

Глава 4. «Школа»

Расписание на доске было другим. Лилит стояла в кори-

доре, прижимая к груди рюкзак, и смотрела на буквы, будто они были написаны на незнакомом языке. В её телефоне чёрным по белому значилось: «Алгебра, кабинет 212». На доске — «Алгебра, кабинет 307». И рядом ещё одна странность: урок физкультуры стоял вторым, хотя по понедельникам его всегда ставили последним.

— Ты чего тут стоишь? — подруга схватила её за локоть.
— Все уже заходят.

Лилит кивнула, но ноги будто налились свинцом. Она хотела сказать: «Посмотри на доску. Там всё не так». Но видела в глазах подруги обычное утреннее нетерпение: поскорее сесть, достать тетрадь, спрятаться от чужих взглядов. Если сейчас начать про «неправильное расписание», это будет звучать как истерика. А Лилит так устала быть той, от которой все отводят глаза.

Они вошли в кабинет. Учитель математики, который обычно здоровался кивком и сразу начинал писать на доске, сегодня посмотрел на Лилит так, будто видел её впервые.

— А, Лилит, — сказал он, и в голосе прозвучало что-то вроде удивления. — Садись на своё место.

Она села. Тетрадь раскрыла, ручку положила рядом. Пальцы дрожали, но не от страха — от странного, колючего ощущения, будто мир вокруг слегка сдвинулся, и она теперь стояла не в том месте, где должна быть.

На первой парте кто-то хихикнул. Лилит подняла глаза и увидела, как две девочки переглядываются и шепчутся. По-

том одна из них демонстративно подвинула пенал, будто боялась, что он случайно коснётся Лилит.

«Они меня боятся», — поняла она. И от этой мысли стало холодно. Не потому, что она хотела их расположения, а потому, что страх — это тоже энергия. А лес питался энергией.

Учитель начал объяснять новую тему. Лилит смотрела на формулы, и они казались ей иероглифами. Она пыталась сосредоточиться, но в голове крутилась одна фраза: *«Если я не вижу смысла, значит, его нет — или он спрятан»*.

Когда прозвенел звонок, она схватила тетрадь и выскочила из класса первой. В туалете она заперлась в кабинке, достала блокнот и быстро, пока рука ещё слушалась, вывела: *«Расписание другое. Учитель смотрел странно. Девочки боятся. Мир меняется, и только я это вижу»*.

Едва она дописала последнюю букву, в коридоре раздался смех. Обычный, школьный, беззаботный. Но Лилит вдруг поняла: для всех остальных этот день был самым обычным. Никто не замечал сдвигов. Никто не видел, как реальность подтягивает края, чтобы скрыть швы.

Глава 5. «Подруга»

Подруга нашла её в столовой. Лилит сидела за дальним столиком, уставившись в остывший чай, и пыталась убедить себя, что всё нормально.

— Ты опять не ешь? — спросила подруга, ставя поднос

рядом. — Ты вообще спишь?

Лилит пожала плечами.

— Просто... — она запнулась. Слова «я вижу, как мир ломается» застряли в горле. — Просто голова болит.

Подруга помолчала, потом наклонилась ближе и тихо сказала:

— Слушай, я знаю, что ты мне не рассказываешь. Но я тут. Даже если ты скажешь что-то странное — я не убегу.

Лилит посмотрела на неё и почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Это было самое опасное предложение из всех, что ей делали за последнее время. Потому что если она расскажет — и подруга поверит, это будет якорь. А если не поверит — Лилит останется совсем одна.

— Вчера я нашла кольцо, — начала она, и голос звучал чуждо, будто говорил кто-то другой. — Оно лежало во дворе, хотя я точно убирала его в ящик. И когда я его подняла, кто-то прошептал у меня за спиной.

Подруга замерла. Вилка застыла на полпути к тарелке.

— Кто прошептал? — тихо спросила она.

— Не знаю. Просто... «Теперь ты знаешь, что это не сон».

Подруга медленно поставила вилку. Её лицо не выражало насмешки. Но и веры в нём не было — только напряжённое ожидание, как будто она пыталась понять, насколько всё серьёзно.

— Лилит, — сказала она, — ты вчера вообще спала?

Этот вопрос ударил сильнее, чем если бы она рассмеялась.

Потому что в нём не было презрения — только забота. И именно от заботы Лилит хотелось плакать.

— Спала, — прошептала она. — Но сны... они как окна. Я вижу через них другой мир. И он хочет, чтобы я туда вернулась.

Подруга потянулась и накрыла её руку своей. Пальцы были тёплыми, живыми.

— Ладно, — сказала она твёрдо. — Давай договоримся: если тебе станет совсем плохо — ты говоришь мне. А я... я просто посижу рядом. Без вопросов.

Лилит сжала её пальцы и кивнула. Слова не шли. Но ей хватило этого тепла, чтобы на секунду почувствовать: она не одна.

Глава 6. «Кольцо днём»

После уроков Лилит не пошла домой. Она достала кольцо из кармана, повертела его в пальцах. Металл был холодным, но не таким, как обычный металл — будто холод шёл изнутри, из какой-то другой реальности.

Она надела его на палец.

Сначала ничего не произошло. Только лёгкое покалывание, как от статического электричества. Потом мир будто моргнул.

Тени на асфальте шевельнулись. Не от ветра, не от движения людей — сами по себе. Они тянулись к Лилит, как

щупальца, и исчезали, стоило ей моргнуть.

В груди ёкнуло. Она сорвала кольцо и спрятала его в карман.

Вокруг всё было как обычно: школьники бежали к автобусам, машины сигналили, ветер гнал по тротуару обрывки бумаги. Но теперь Лилит видела то, чего не видели другие: в каждом углу, в каждой щели между домами пряталось что-то тёмное. Оно ждало.

Она достала блокнот и написала дрожащей рукой: *«Кольцо открывает дверь. Днём мир сопротивляется, но тени всё равно просачиваются. Если я надену его ночью — дверь откроется полностью»*.

Телефон завибрировал. Сообщение от мамы: «Ты где? Врач ждёт».

Лилит вздохнула и набрала: «Иду. Прости».

И только когда она пошла по тротуару, она заметила, что тени следуют за ней. Не вплотную, не явно — просто чуть-чуть отставая, как отражение, которое живёт своей жизнью.

Глава 7. «Особняк в телефоне»

Дома Лилит сразу пошла к ноутбуку. Она не знала, что ищет, но чувствовала: ключ где-то рядом. В старых фотографиях, в случайных заметках, в чём-то, что все считают мусором.

Она открыла галерею на телефоне и начала листать ста-

рые снимки. И вдруг наткнулась на фото, которого не могла сделать.

На нём был особняк. Мрачный, с покосившимися колоннами и тёмными окнами, будто затянутыми изнутри паутиной. Подпись под фото: «Снесён в 1998».

Но Лилит знала этот дом. Она видела его во сне. И не просто видела — она ходила по его коридорам, слышала, как скрипят половицы, чувствовала запах сырости и старой пыли.

Пальцы похолодели. Она увеличила фото. На крыльце, в полумраке, можно было разглядеть тень. Не просто тёмное пятно — фигуру. И эта фигура смотрела прямо в объектив.

Лилит резко закрыла фото. Сердце колотилось так, что казалось, его слышно в пустой квартире.

Она схватила блокнот и написала: *«Я была в этом доме. Или буду. Фото появилось в галерее сегодня утром. Я его не снимала. Значит, кто-то или что-то кладёт мне воспоминания, как улики».*

В дверь постучали. Лилит вздрогнула. Врач. Мама просила не открывать никому, но врач — это другое. Это нормально.

Она подошла к двери, посмотрела в глазок. За дверью стоял мужчина в белом халате. Лицо обычное, ничем не примечательное. Но Лилит вдруг подумала: *«А если это не врач? Если это кто-то, кто знает про кольцо и особняк?»*

Она помедлила, потом всё же открыла.

Мужчина улыбнулся — ровно, профессионально.

— Здравствуйте, Лилит. Я доктор Марков. Ваша мама звала меня.

Голос был спокойным. И всё же Лилит не могла избавиться от ощущения, что за этой вежливостью прячется что-то ещё. Что-то, что ждёт своего часа.

Глава 8. «Родители»

Мама сидела на кухне, теребя край фартука. Когда врач ушёл, она посмотрела на Лилит долгим, тяжёлым взглядом.

— Он сказал, что у тебя стресс, — тихо произнесла она. — Что тебе нужно больше отдыхать, меньше сидеть в телефоне.

Лилит хотела рассмеяться. Если бы проблема была в телефоне! Если бы всё можно было выключить, как экран, и снова включить нормальным!

— Мам, — сказала она, стараясь говорить спокойно, — а ты когда-нибудь чувствовала, что... что ты не там, где должна быть?

Мама замерла. Её пальцы перестали тереть ткань.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, и в её голосе не было раздражения. Только настороженность.

Лилит набрала воздуха.

— Я имею в виду, что иногда мне кажется, будто я не твоя дочь. Будто я... попала сюда случайно.

Тишина повисла между ними, плотная и тяжёлая. Мама

смотрела на неё так, будто пыталась прочитать что-то между строк.

— Ты моя дочь, — наконец сказала она. — И я люблю тебя. Даже когда ты говоришь странные вещи.

Лилит опустила глаза. Ей хотелось верить этим словам. Но где-то внутри шевелилось другое знание: мама говорит так, потому что должна. Потому что так положено. А правда прячется глубже.

— Спасибо, — прошептала Лилит. — Прости, что я...

— Ничего, — мама встала, подошла и обняла её. Объятие было крепким, почти отчаянным. — Просто не закрывайся от меня, ладно?

Лилит кивнула, уткнувшись ей в плечо. Но в голове у неё крутилась только одна мысль: *«Ты не знаешь, от чего меня надо защищать»*.

Глава 9. «Метка на руке»

Ночью Лилит проснулась от зуда. Она почесала запястье, потом замерла. На коже, прямо над венкой, проступил крошечный символ. Такой же, как те, что она видела на столбе и на коре деревьев. Только этот был не нарисован — он будто выжжен на коже.

Она вскочила, включила свет. Символ не исчезал. Он был бледным, почти прозрачным, но отчётливым. И он слегка пульсировал, как крошечное сердце.

Дрожащими руками Лилит схватила блокнот. *«Метка появилась сама. Она не смывается. Когда я пишу о ней, она становится чуть светлее. Но не исчезает».*

Она попыталась стереть её влажной салфеткой — бесполезно. Провела по ней ногтем — не царапалась, будто была частью кожи.

Лилит надела длинный рукав, потом ещё один — свитер поверх футболки. Но она всё равно чувствовала этот символ. Он будто тянул из неё тепло.

За окном шевельнулась тень. Лилит подошла к стеклу и посмотрела вниз. Двор был пуст. Только фонарь мигал, и его свет рисовал на асфальте кривые линии.

И вдруг она поняла: эти линии складывались в тот же символ.

Словно город шептал ей: *«Мы знаем, где ты».*

Лилит отступила от окна, села на пол и прижала колени к груди. В темноте комнаты она прошептала, будто пытаясь удержать реальность:

— Это не мой страх. Это его ложь.

И впервые за долгое время ей показалось, что тьма чуть-чуть отступила.

Глава 10. «Форум снова»

Лилит сидела перед ноутбуком, и экран казался ей ловуш-

кой. Она уже знала: если сайт снова покажет только одну фразу, это будет не просто пугающе — это будет подтверждение, что за ней следят. Что кто-то стирает её попытки разобраться.

Она набрала адрес форума, который нашла пару дней назад, — полузаброшенная площадка про городские легенды и «места, где время ломается». Раньше там были ветки про заброшенные больницы и старые особняки, а теперь... теперь она не могла вспомнить, как выглядела главная страница до того, как всё пошло наперекосяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.